

■ Михаил СИЗОВ

Наука и христианство

Северные льготы

Спорить о том, в чём сам не очень разбираешься, не самое лучшее дело. Но вот не удержался... Намедни в солидном научном журнале «Общество и экономика» прочитал статью «Конкурентоспособность промышленности северных регионов России: от прибыли к человеку». Статистические данные, графики, аналитические выкладки. И далее такой неожиданный поворот: «Мы же исходим из евангельского убеждения, что истинная жизнь человека “не зависит от изобилия его имущества” (Лк. 12, 15) и заключается главным образом не в обладании земными богатствами, а в духовных добродетелях – вере, надежде, любви».

«Позвольте, а при чём здесь экономика? – изумился я. – И вообще, допустимо ли в научных работах цитировать Евангелие?»

Так и спросил автора статьи, кандидата экономических наук, старшего научного сотрудника Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН иерея **Максима Стырова**.

– А разве проблемы общества не надо рассматривать в свете евангельских истин? – вопросом на вопрос ответил отец Максим. Он зашёл на минуту в нашу редакцию, но я задержал его – пригласил по чаёвничать, располагая к долгой беседе. И вот тогда этот спор возник.

– Но вы же о конкуренции в промышленности пишите! – не сдавался я.

– И что же? Промышленность – это тоже люди, и её проблемы имеют духовное измерение. Взять ту же конкуренцию между предприятиями. В нашей стране, где разные клима-

**ЭКОНОМИКА
ДОБРА**

Отец Максим Стыров

тические зоны и огромные пространства, она толком не работает. Одно дело – отапливать квадратный метр производственных помещений в Краснодаре, другое – в Печоре. Или, скажем, сколько стоит привезти красители для нетканки в Сыктывкар или в Иваново? Разница в затратах закладывается в стоимость товара, так что мы, северяне, менее конкурентоспособны, чем южане. И как эту проблему решать? Вот мы и предлагаем, что благополучные в этом смысле регионы и отрасли должны помогать неблагополучным, причём безвозмездно, ничего взамен не ожидая. Вот вам и духовный вопрос. Как сказано в Послании к Галатам, «несите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов».

Сделав паузу для лучшего осмысления очевидно, батюшка продолжил:

– Прибавьте к этому человеческий фактор. На Севере жить труднее, многие уезжают в Центральную Россию, и в плане кадров мы также не выдерживаем конкуренции.

– В советское время это решалось за счёт различных льгот.

– Так они ж остались. Например, в центральной полосе работникам дают отпуск на 28 дней, а у нас – на 44 дня, и это минимум. У шахтёров, учёных, педагогов отпуска ещё длиннее, бывают и по два месяца. В советское время это компенсировалось из государственного бюджета, а когда плановая экономика стала рыночной, то сразу этот вопрос не решили. И получилось вот что. Льготы никто убирать не решается, потому что люди к этому привыкли, да и население на Севере и так уже сокращается, и если ещё льготы убрать... Но работа частных предприятий на Севере становится более затратна из-за льгот, потому что по закону они обязаны всё это покрывать из своих средств. Это где-то 10-15 процентов от фонда оплаты труда: тут и повышающие коэффициенты к зарплате, удлинённый отпуск, сокращённый рабочий день для женщин, раз в два года оплата проезда к месту отдыха и обратно. По закону минимальная заработная плата у нас – 19-20 тысяч рублей, а в соседней Кировской области – 12-13 тысяч. Официально нанять работника почти в полтора раза дороже, чем там. И где предприниматель откроет своё производство – там или здесь?

– Наверное, у предпринимателей есть свои лазейки...

– Разумеется. Тем более, насколько я знаю по практике, государство видит проблему и по этой статье наш бизнес не особо-то

проверяет. Плати налоги – и весь спрос. Что в итоге? Например, в некоторых компаниях на Севере работников оформляют так, что по бумагам они приняты на работу где-то в Ярославле, поэтому льготы им не положены. Или могут составить контракт, по которому человек вообще не работает в штате, а выполняет услуги по договору подряда. Услугу оказал, деньги получил – и ни отпуска, никакой защиты. Или вводят свои внутренние нормы – оплату проезда в отпуск, скажем, в пределах 10 тысяч. Езжай куда хочешь, но больше не получишь.

И тут возникает ещё одна проблема. Допустим, человек с хорошей зарплатой решил отдохнуть в Абу-Даби и ему оплачивают билеты на самолёт по полной программе. А вот тёнька, которая за большой мамой ухаживает или у неё семья многодетная, – она не может никуда поехать... А иному человеку по состоянию здоровья нельзя ехать никуда, но ему бы нужна поддержка на лечение, питание и так далее.

– В Абу-Даби точно не полетит, – прерываю рассуждения собеседника, – там же гостиницы дорогие и в целом проживание.

– Разумеется, с зарплатой в 20 тысяч там делать нечего. Получается, что богатые с этими льготами ещё больше богатеют, а бедные остаются у разбитого корыта. И они, чтобы не лишиться работы, молчат, никуда не жалуются. Так что же, есть тут этическая проблема? И разве не надо нам обратиться к Евангелию, чтобы увидеть её корни?

Поделись с другом

– Проблемы эти застарелые, им уже тридцать лет. Обсуждали их со всех сторон. Одни говорят, что у нас рыночная экономика, поэтому надо отменить льготы работникам,

Районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера, – примерно 70 % от общей территории России

компенсации предприятиям, дотации регионам. Мол, каждый выживает как может, по закону джунглей.

– Но это не решение! – возмущаюсь.

– Но таково мнение многих учёных-экономистов и общественных деятелей. Вот так они пропитались этой идеологией «естественного отбора». Другие впадают в такую крайность: раз государство возлагает на частные предприятия какие-то расходы и при этом говорит, что должна быть честная конкуренция, то пусть государство всё это до копейки и возмещает. Но вряд ли бюджет это выдержит. Мы посчитали: по северным регионам получается, что сумма составляет порядка 200-300 миллиардов рублей в год.

– Но Север за счёт добычи нефти и газа даёт в бюджет триллионы рублей. Не логично ли какую-то часть вернуть?

– Это не выход. Во-первых, кое-что и так сейчас на местах остаётся. Во-вторых, многие предприятия имеют сверхдоходы за счёт природных богатств и доплачивать им что-то сверху нелепо. А в-третьих, что мы получим в итоге? Иждивенчество, которое

развращает и убивает экономическую активность. Поэтому глубинное решение лежит в смене самого экономического мышления. Не «выживает сильнейший», а сильные должны служить слабым – и это должно происходить на горизонтальном уровне, а не только сверху вниз, от государства. Как Спаситель говорит: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом». Например, нефтегазодобывающие предприятия, которые сидят на природной ренте, вполне могли бы помогать обрабатывающим и сельхозпредприятиям. Причём не направо и налево, напоказ, а адресно и точно. Конечно, это сложная работа, потому что надо знать их реальные проблемы, всё продумать, просчитать и так далее.

– Действительно, сложно, – соглашаюсь. – И почва для коррупции: кому-то дать, кому-то не дать.

– Коррупция процветает там, где система безличная, например при дотациях от государства. Вот недавний пример. Несколько лет назад в Госдуме озаботились проблемой северных льгот, приняли до-

полнительные нормы – и что? Поддержку получили ресурсные предприятия, крупные и богатые. Понятно, что они сами же это и пролоббировали, у них есть для этого возможности. А малый бизнес остался в стороне, он не может себя защитить. Я уж не говорю о простых работах. У нас прихожанка работает в прачечной, ей платят 13 тысяч рублей – без всякого оформления, нет ни оплаты больничного, ни бесплатного проезда, отчисления в пенсионный фонд. А по закону должны ей платить минимум 20 тысяч – это МРОТ, который в Республике Коми составляет 13 890 рублей плюс районный коэффициент и процентная надбавка. И ей деваться некуда, и работодателю тоже – у него свои издержки.

– Но почему вы против того, чтобы государство всё покрывало? – не понимаю. – И при советской власти, и при царях для северян были льготы, чтобы народ здесь селился и жил. Крепостного права не было, первый поселенец платил в Сибирский приказ символические налоги – один рубль в год. Ведь это разумно?

– Выборочная налоговая политика, да, может

быть благотворной. Но государство само по себе не способно сделать людей счастливыми, потому что это безличная система. С другой стороны, как я уже сказал, возникает иждивенчество. Когда вот так механически раздаются льготы, их не ценят. Это мы наблюдаем на примере некоторых предприятий – в них вливают финансы, и ничего не меняется, там считают, что просто с неба упало им, поэтому можно эти деньги проесть. Потому что нет личностного отношения к этому.

Люди ведь как смотрят: государство – это всё чужое и если оно тебе что-то даёт, то ты ничем ему не обязан. А теперь представьте, что помощь пришла не от государства, а от другого, более успешного предприятия. Какое будет отношение? Просто протранжирить помощь будет стыдно, потому что за ней стоят реальные люди, которые делятся своим кровным. Возникает живое человеческое отношение ко всему этому, благодарность, ответственность. Возникает солидарность в обществе, которая двигает людей, даёт рост им самим и обществу в целом. Вот есть сильная отрасль, через которую проходят миллиарды рублей, и её работники должны душу свою открыть и понять, что в моём городе, регионе есть те, кому живётся плохо. У нас зарплата в два раза выше, а у них зарплата на пятьдесят процентов ниже, чем в среднем по региону, и если этот разрыв дальше будет увеличиваться, то всё закончится социальным потрясением. Кому это надо? Государству или мне лично? Я – успешный предприниматель, но ценю и ту пользу, которую приношу стране, соотечественникам. Я меняю эту реальность к лучшему, поэтому жизнь моя, рачительного хозяина, имеет

смысл и достоинство, что даёт самоуважение и счастье в труде. Я сильный – и мне дано. Разве не должен я делиться или хотя бы по-человечески относиться к своим согражданам? Например, принимая людей на работу, не выбирать тех женщин, которые не выйдут в декрет, а наоборот. Как сказал директор одного предприятия: «А что, женщинам не надо рожать, что ли? Мы же так все вымрем!» И берёт на работу молодых замужних, платит им льготы и пособия. Это уже другой менталитет, другое мировоззрение. И в целом – другая экономика.

Капитализм умер?

– То есть вы за нематериальные стимулы в экономике? – уточняю. – Не напоминает ли это то, как коммунисты пытались вырастить человека будущего – бескорыстного, работающего на благо всех людей?

– Так ведь и сейчас многие экономисты считают, что материальные стимулы не самые эффективные.

– Но мы же это проходили!

– Проходили и опять к этому пришли.

– Но не получилось же!

– Нельзя сказать, что совсем не получилось, чего-то в Советском Союзе всё же добились. Но без Бога это делали, поэтому и рухнуло. Между тем сегодня даже на Западе существует целое направление в науке – экономика социальной солидарности (SSE), при которой самые разные виды деятельности имеют приоритет социальной прибыльности, а не чисто финансовой рентабельности. Частью её является экономика добровольчества, которая реально существует и хорошо себя зарекомендовала.

– Вы о волонтерстве? Как-то интересовался этим вопросом и очень удивился. В 1973 году, когда в СССР продолжали продвигать идею безвозмездного «коммунистического» труда, в США был принят закон о внутренней добровольческой службе, а в 79-м был образован Национальный центр добровольческих действий «Волонтер». И вот динамика. Если в 74-м там было всего 37 миллионов волонтеров, то к 85-му, когда у нас началась перестройка, их было уже около ста миллионов. С 2000 года уже более половины населения включились в это движение, и общая стоимость добровольческой работы составила 65 миллиардов долларов. Всё это безвозмездный труд. В Канаде треть населения волонтеры, в Германии то же самое, во Франции волонтеров более половины населения. В Великобритании в большинстве ведущих фирм предпочитают принимать на работу тех, кто имеет опыт волонтерской работы.

– О чём это говорит? Капиталисты тоже понимают, что человек, работающий не только за деньги, но и по совести, более эффективен.

– А у нас в России как с волонтерством?

– Смотрел графики – они идут вверх, хотя мы значительно отстаём. Выходят научные работы на эту тему. Тема перспективная, работа ведётся. Однако, к сожалению, эти благие идеи часто строятся на оккультных, атеистических или экуменических убеждениях. Конечно, волонтерство – это не большая экономика, но из малого вырастет и большее.

В целом мы видим, что эпоха хищнических капиталистических отношений во всём мире – она уже на издыхании. Что придёт взамен? Экономика, построенная на нематериалистических стимулах. Но она может стать по духу как христианской, так и нехристианской, ведущей в царство антихриста.

– Вы имеете в виду «Великую перезагрузку» капитализма, объявленную в

2020 году Клаусом Швабом на Всемирном экономическом форуме?

– В том числе. Шваб, как основатель форума в Давосе, человек влиятельный, но понятно, что идея «перезагрузки» исходит не только от него, неслучайно в содокладчики он пригласил британского принца Чарльза. За ними стоят те, кто владеет большими капиталами. Что они предлагают? То же самое, о чём мы здесь говорим: богатые должны помогать бедным. Но в какой форме? Транснациональные компании берут на себя функции национальных государств, всё регулируют, обеспечивают безработных синтетической дешёвой пищей и жильём. При этом частная собственность замещается «экономикой пользования», то есть люди будут пользоваться общими благами, как при военном коммунизме. Всё это при тотальном электронном контроле, поскольку наличные деньги полностью заменит цифровая валюта. Также Шваб предсказывает, что компьютерные гаджеты «скорее всего, будут имплантированы в наши тела и умы». И что показательно: «новый трансгуманистический мировой порядок» объявит войну «тёмным религиозным воззрениям и этническим предпочтениям». Что это, как не царство антихриста?

– Был безбожный социализм, теперь предлагается какой-то безбожный некоммунизм. Ведь это ещё хуже?

– Многие на Западе это понимают, и «Великую перезагрузку» приняли в штюки, направили протестные петиции. Между тем капитализм в тупике, и надо что-то менять. Все думающие экономисты это понимают. Вот представьте: летит ракета. Почему летит? Потому что в ней есть топливо. Но можно ли сказать, что она летит

ради сжигания топлива? А ведь так в принципе и по-нималась экономика при капитализме. Нет, ракета летит, потому что у неё есть пункт назначения и он не связан с каким-то топливом или другими техническими моментами. Так же и прибыль при капитализме. Да, она нужна, чтобы развиваться, исследования проводить, стимулировать работников, но назвать прибыль целью – это глупо. В чём тогда цель? В благе человека. А ещё лучше – в прославлении Творца. А это уже категория духовная. Поэтому если что-то менять в капиталистической экономике, то только лишь на евангельских началах.

От сердца к сердцу

– И всё же я не представляю, как могут коммерсанты взять и поделиться прибылью с другими, менее удачливыми, коммерсантами, – продолжаю спорить с отцом Максимом. – На пустом месте ничего же не возникнет. Нужна какая-то структура. Профсоюзы, например. Или уполномоченный по делам взаимопомощи, какой-нибудь Комиссар Добра.

– Какой-то координирующий, вдохновляющий орган, наверное, может быть. Но не регулирующий, мол, столько-то предприятий перешло на новые принципы, а столько-то отстаёт, надо принять меры. Взаимопомощь невозможно устроить механически, с помощью законов и предписаний. Как невозможно любить из-под палки.

– А можно ли это устроить в форме гигантских госкорпораций? – предлагаю вариант. – В этом плане мне нравится, как действует сейчас «Росатом». Такое впечатление, что его менеджерам нравится брать непрофильные предприятия и делать их успешными. Например, когда нашу страну лишили поставок сырья для создания крыльев из

полимеров для самолёта МС-21, то «Росатом» взялся финансировать производство такого сырья в нашей стране – и справился с задачей превосходно. И в создании искусственного интеллекта он участвует, и даже в музыкальных стартапах – его эксперимент «10 песен атомных городов» разросся в огромное предприятие, ставшее популярным у россиян. Собрали непрофессиональных артистов и выдали такое, что сразу затмило нашу убогую эстраду. То есть видно, что им интересно заниматься всем «прорывным», хотя это и не относится к их профилю.

– Почему же нет? У социальной солидарности могут быть совершенно разные формы, а суть одна – помочь другим, поделиться своими средствами и компетенцией. Они могут объединять, афилировать, просто сотрудничать. В иных случаях это может быть какой-нибудь якорный кластер, вокруг которого собираются совершенно разные отрасли. Есть такое понятие – «конгломерат», что понимается как «объединение предприятий, принадлежащих к различным экономическим сферам и не связанных прямой производственной кооперацией». Или вот ещё пример. Раньше многие предприятия имели непрофильные активы – содержали детсады, дома отдыха, подсобные сельские хозяйства, хотя это и было для них нерентабельно. То есть речь идёт не просто о том, чтобы «поделиться», а именно «соединиться», жить общей жизнью во главе с Иисусом Христом, делать общее дело на общей земле.

– Кстати, как вы относитесь к идее поселенческих агломераций на Севере? Это когда города как бы объединятся с ближайшими сёлами, которые будут их кормить, а другие, дальние сёла, должны исчезнуть как нерентабельные.

– Фактически так и происходит. Но при этом города высасывают из деревни все ресурсы, в том числе людские, не отдавая ничего взамен. А ведь могли бы переносить туда часть своих производств, быт налаживать, хотя бы хороший оптоволоконный Интернет туда протянуть. Вымирание северных сёл, которые всегда были здоровым русским генофондом, – это наша общая беда, и рано или поздно это вымирание скажется негативно на самих городах. Прекратится приток в них свежей крови.

– У нас на Севере деревня давно спивается, какая уж тут «свежая кровь».

– А почему они пьют? Физиологи говорят: не хватает солнца, витаминов и так далее. Но мне кажется, дело больше в культуре, в мировоззрении. По степени трезвости у нас в стране первые пять регионов – это кавказские республики, затем идут Тюменская область, Ставропольский край и другие. А самые пьющие: Республика Коми, затем Чукотка, Удмуртия, Сахалин, Магаданская область, Ненецкий округ и Кировская область. То есть это Север. Но вот что показательно: Ленинградская область на 61-м месте по пьянству, а Санкт-Петербург, который географически там же находится, на 16-м. Или вот Мурманская область – она всего лишь на 32-м месте из 85-ти регионов, хотя находится на самом-самом севере, в Заполярье. О чём это говорит?

– В Мурманской области люди в основном приехавшие, они туда за большим рублём приехали, им не до пьянок. И население сосредоточено в городах. А в Ленинградской области, в Коми, Кировской области и других перечисленных регионах есть народ коренной, сельский.

– Вот именно. Коренной. А корни-то подрублены. Убеждён, что причина пьянства и других пороков

не в безработице и вообще не в экономике, а в безверии. Если нет веры – нет и смысла жизни, нет радости, вот человек и дурит. А на его рабочее место приезжает трудиться мигрант за три тысячи километров. Вроде и обратились в своё время северяне к Господу, но не до конца, во многом с язычеством своим не расстались. А потом в XX веке и вовсе к миру земного счастья повернулись. А сейчас на перепутье, застряли между Небом и землёй.

– И всё же как заставить богатые предприятия снизойти до нужд сельчан?

– Мне кажется, заставлять – это малопродуктивно.

– Но чтобы каждый начал помогать друг другу, надо же с чего-то начать, на что-то опереться...

– Есть Церковь.

– Церковь не занимается вопросами экономики.

– Церковь состоит из людей. Если предприниматель человек целомудренный, он не может на литургии быть одним, а в жизни, в своей деятельности – другим. Я знаю реальные примеры коммерческих предприятий, директора которых фактически работают на социальных принципах, только громко это не называют. Например, есть частные клиники, которые ни с кем не конкурируют, а просто обеспечивают качественные медицинские услуги. Да, работают они не бесплатно, но за прибылью не гонятся. Говорят: «Для нас главное, чтобы наши работники были довольны, чтобы цена услуг была нормальной и качество на высоте, а прибыль – только для развития». И аборт там не делают, это принципиальная у них позиция.

Само понятие регулирования предполагает насилие, а насилие – не всегда хорошо. Государство должно сдерживать зло и исправлять какие-то огрехи,

а не навязывать добро. Если добро не добровольное, а по принуждению, то возникает множество нерешаемых проблем. А вот когда общество воспринимается как одна большая семья, вот тогда всё будет получаться естественно, не будет места злоупотреблениям и изживенчеству. И звериной конкуренции не будет. Можешь что-то делать лучше других – делай. Не можешь – займись другим, что у тебя получается. Это как в Церкви, внутри которой не должно быть конкуренции.

– Но наше общество, наше государство не Церковь.

– Я и не говорю, что всё должно проявиться сразу. Желание помочь ближнему, идея социальной солидарности – это закваска, которая со временем всё преобразит. Мы всё надеемся на государство, на его законы – так мы воспитаны. А это не совсем правильно. Есть другой путь. Христос – Он как посеянное семя, как закваска. Пока не пережидается всё. Церковь – это тоже закваска. Она у нас в обществе есть, поэтому и христиане среди предпринимателей есть тоже. Я знаю многих, кто задаётся такими вопросами и видит, что мир меняется, дикий капитализм уходит в прошлое и его надо заменять чем-то более человечным хотя бы.

– Но с какого-то конца должно это начаться. С какой-то организации, с какого-то плана...

– Начаться должно с нашего сердца. Надо откататься от надежды на систему, органы, инспекторов. Преображение идёт в душе. Вот мы напишем хорошую статью – это будет наш вклад. Дальше кто-то подхватит, с другим поделится. Лавинообразно это не будет, закваска иначе действует, всё незаметно растёт, как семечко всходит. Только так – от сердца к сердцу. ■